

САША
МИРОВИЧ

КОРПУС ТАЙНЫХ НАУК

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Саша Мирович

Корпус тайных наук

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рус)6-445.7

Мирович С.

Корпус тайных наук / С. Мирович — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-250986-7

В Российской империи начала XIX века магия – не просто чудо, а важнейшая государственная наука, овладеть которой в совершенстве способны лишь лучшие умы страны. Те, кто поступил в Императорский Корпус магических, тайных и возвышенных наук: юстициары и словотворцы, алхимики и механики, целители и управители стихий. Как помочь товарищу, чья магия вышла из-под контроля и стала опасной для окружающих? Можно ли провести старинный ритуал без последствий? И главное – как отстоять дорогое сердцу учебное заведение, если проверяющие только и ищут повод его закрыть? Все возможно, если объединиться: создать союз друзей, объединенных честью и долгом. Союз отчаянных и беззаботных.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рус)6-445.7

ISBN 978-5-00-250986-7

© Мирович С., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Пролог	7
1	11
2	15
3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Саша Миревич Корпус тайных наук

Стихи Л. Рейнеке

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Мирвич С., 2026

© Л. Рейнке, стихи, 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Пролог

Август 1809 года

Бжезина-на-Висле, имение князей Вислоцких

Обычно августовские вечера в Бжезине-на-Висле спокойны и безветренны, но сегодня все было не так. С самого утра небо набухло дождями, уже к полудню потяжелело, а вскоре после обеда прорвалось косым хлестким ливнем. Ветер метался по парку, срывал листья с деревьев, швырял их в пруды и фонтаны, то и дело завывал в трубах или хлопал створкой окна там, где кто-то по неосторожности не закрыл ее плотно. На Бжезину обрушилась настоящая буря.

У Витольда, стоило ему подняться с постели, все валялось из рук. Его точила неясная тревога, изводила вроде бы без всяких причин. За несколько часов он успел всерьез повздорить с братом, довести до слез маленькую сестру и испортить матери фортепианный этюд в четыре руки. В конце концов, решив, что сегодня не принесет никому ничего, кроме огорчений, он убрался с томом Эпиктета наверх, в картинную галерею, и принялся бродить вдоль фамильных портретов, рассеянно поглядывая то на них, то в залитые дождем высокие, узкие окна.

– Пан Витольд? – глуховатый голос старого дворецкого Ежи в гулкой галерее грянул, как удар колокола.

Вздрогнув, Витольд поудобнее перехватил растрепанную пухлую книгу и обернулся, попытался улыбнуться в ответ:

– Что, Ежи? К ужину ведь, кажется, еще не звонили...

– Ваш отец дома, – после короткой заминки отозвался дворецкий, почему-то отведя глаза. – Он велел передать, что ждет вас у себя в кабинете.

– Вот как? Что ж... – Витольд всмотрелся в старика. – Я сейчас приду.

В сумерках лица на портретах было уже почти не различить, и все-таки ему показалось, что пан Август, некогда приведший на польский престол французского принца, смотрит на него с сочувствием. Витольд улыбнулся славному предку, надеясь, что улыбка вышла беззаботной, нырнул в незаметную нишу в стене и принялся спускаться по узкой винтовой лестнице, которая вела прямо к отцовскому кабинету. Отцу нравилось приводить в галерею друзей, самых близких, тех, с кем он обычно совещался долгими вечерами за закрытыми дверями, так что этим путем пользовались едва ли не чаще, чем главной лестницей.

Сейчас перед дверью кабинета замер Витольд, подавляя неизвестно откуда взявшуюся робость. Несколько раз сжав и разжав кулаки, он коротко постучал и переступил порог.

Отец любил готику, и это понял бы каждый, кому довелось бы сюда войти. Стрельчатые окна, резкие, стремящиеся вверх формы, панели темного дерева, такая же мебель – казалось, все здесь поглощало огоньки свечей, не позволяло им осветить интерьер. Витольду нравилась эта обстановка, ее приглушенные тона успокаивали, помогали сосредоточиться и очистить мысли, но сейчас он привычного умиротворения не испытал.

– Отец? Добрый вечер. – Он слегка склонил голову, остановившись напротив письменного стола. – Ежи передал, что вы хотели меня видеть.

Отец поднял взгляд от бумаг. Его красивое бледное лицо выглядело осунувшимся, измученным, темные глаза почернели, ввалились и от этого казались неестественно огромными. В пальцах он крутил какое-то письмо, все больше сминая его.

– Хотел. – Отец встал, бросил бумагу на стол. – Витольд, мне нужно поговорить с тобой о твоём ближайшем будущем.

И только-то? В груди шевельнулось удивление: откуда же беспокойство и почему отец смотрит так тревожно?

– Да, конечно! – с готовностью откликнулся он. – Я думал об этом, и немало. Мне очень бы хотелось поехать в Геттинген, хотя после нескольких лет так далеко от дома не хочется снова уезжать, поэтому Ягеллонский...

– Ты не поедешь ни в Геттинген, ни в Краков, – голос отца прозвучал резко.

– Но... Хорошо. – Витольд давно привык к строгости и приступам мрачности отца, поэтому сейчас просто постарался смягчить все улыбкой. – Тогда, мне кажется, Йена...

– Ни Йены, ни Болоньи, – отец смотрел ему в лицо. В глазах застыло непонятное выражение. Длинные пальцы сжались в кулак. – Ты возвращаешься в Ораниенбаум.

– Что?! – выдохнул Витольд. Только глухой не расслышал бы возмущение в этом возгласе. – Нет! Нет, вы обещали! Вы говорили, что моя необходимость жить в России – это временно, только пока я ребенок, что это нужно семье...

– И это все еще нужно семье! – теперь и отец повысил голос. – И не обсуждается. Это приказ императора. Ты едешь.

– Императора, значит?! – Витольд вновь улыбнулся, хотя, наверное, вместо улыбки получилась гримаса. – Того самого, к которому его бабка вас приставила, чтобы не бунтовали и ходили при нем пажом? Который называл вас братом, а потом вышвырнул, потому что наигрался в братство с пшеком? Этого императора?!

– Витольд! – Отец побелел больше прежнего, хотя, казалось, это невозможно. – Ты забываешься! Благодарю Бога, что я презираю рукоприкладство. Вон из моего кабинета! Отправляйся к себе и начинай собираться. Чтобы до завтра я тебя не видел.

Покойная бабка Изабелла смотрела на Витольда с портрета в углу, в ее глазах светилась неукротимость.

* * *

Конец сентября 1809 года

Петергофская дорога, близ Ораниенбаума

Российская империя

Петергофскую дорогу нещадно поливал дождь. Он сопровождал карету от самого Петербурга и, казалось, с каждой верстой усиливался. Может, если бы почтенный Петр Васильевич Полев обладал способностью успевать куда нужно к сроку и не откладывать все на последний день, они с племянником и не пробивались бы сейчас сквозь дорожную грязь, но Петр Васильевич к солидным сорока годам успел прославиться как самый необязательный и безалабер-

ный сибарит столицы. Впрочем, эти изъяны ему легко прощали – за доброту, хлебосольность и неизменную широту души.

Племянник тоже любил все это в дяде, но особенно ценил талант к стихосложению. Петр Васильевич обладал легким пером, умел шутить уместно и искрометно, а еще владел магией слова. Той самой, которая, по мнению света, способна украсить и раут, и дружеский вечер, и даже прием при дворе. Той, в которой редко видели нечто большее, чем занятное развлечение. Ею судьба наградила и самого Алексиса так щедро, что хватило бы на семерых. И он еще непременно прославит ее; о, в этом нечего и сомневаться!

Так обязательно будет, и дядя Пьер сможет любоваться этим из первых рядов. В конце концов, с ним единственным Алексис многие годы делил свои страсть и веру. Два поэта в семье, состоявшей исключительно из людей практичных и рассудочных, они неизменно понимали друг друга. К дяде всегда можно было примчаться хоть с радостью, хоть с бедой, а нет – так написать и получить полный искреннего участия ответ. Жаль только, что сейчас он никак не желает понять, в чем беда, и так упрямо ищет разговора на ту треклятую тему. Разговора и наверняка понимания, а то и прощения для тех, о ком и упоминать-то не хочется!

Распалившись больше прежнего, Алексис мрачно насупился, потянул себя за курчавую русую прядь, упавшую на лоб, и уткнулся в окно экипажа с таким жадным вниманием, будто надеялся рассмотреть в дожде смысл жизни. Пальцы то и дело дергали манжету, которая и так уже пришла в совершенный беспорядок.

– Алексис, послушай, – по тяжелому вздоху и осторожному тону, который выбрал дядя, было ясно, что он сам не слишком рад заводить этот разговор, – твоя мать только хотела...

– Не надо, дядя, – процедил Алексис сквозь зубы, по-прежнему глядя в окно. – Я прекрасно знаю, чего она хотела. Она хотела, как и всегда, оправдать его и объяснить, почему я не прав.

– Ох, Алексис, ну как же тебе объяснить... Она любит тебя, любит вас обоих, но она тревожится о мире в семье. О том, что он разрушится совсем, если вы с отцом не научитесь говорить друг с другом или если некому будет встать между вами. Тогда...

– Он ударил меня, дядя Пьер! – Алексис порывисто обернулся. Петр Васильевич свел брови, между ними пролегла болезненная складка, и он разом сделался старше с виду. – Ударил, поймите! Он мой отец, но я такой же дворянин, как и он, и отстаивал свое законное право! – Он все сильнее горячился. – Все преподаватели в Корпусе признавали, что во мне есть талант, об этом писали в итоговой рекомендации к высшей ступени. В конце концов, это была царская воля – чтобы лучшие остались в Корпусе, пока не завершат обучение. А он?! – На рытвине карету слегка подбросило, Алексиса тряхнуло, но на дядю он уставился, постаравшись принять самый независимый и непримиримый вид.

– Послушай, я не пытаюсь оправдать рукоприкладство твоего отца, но и тебе не следовало вспыхивать, как... как пакля от факела! – Тоже начиная горячиться, Петр Васильевич неопределенно взмахнул рукой и тут же схватился за сиденье: на следующей рытвине тряхнуло весьма ощутимо. – Он ищет возможности, и его можно понять, Алексис. Ваше Высокое – не самое доходное имение, уж прости. У тебя есть брат и сестра, а ты старший сын, и твоя выгодная служба особенно значима для семьи, – Петр Васильевич говорил настойчиво, но мягко и то и дело пытался заглянуть племяннику в глаза.

– Особенно значима?! – Алексис криво усмехнулся. – Дядя Пьер, дело не в какой-то там особой значимости! Он просто боится, что я его опозорю, его и славное имя Полевых. Поэтому хочет приставить меня к какому-нибудь «тихому, скромному, но респектабельному делу» – его слова! – где я был бы под присмотром, приносил бы пользу и при этом «ничего со своими стихами не мог бы натворить» – вновь его слова! И он решил, что лучше всего на годик отправить меня слушать какую-нибудь бесполезную латынь, а после засунуть в Московский архив! Чтобы я там чах над свечкой да бумагами, вел себя помирнее да приносил жалованье.

Но как бы не так! – последнюю фразу он почти выкрикнул в лицо дяде. – Моим стихам найдется достойное место, и никакие его усилия, приказы или печальные, как у нашего спаниеля Апорта, очи этого не изменят. Я так ему и сказал! – вздернув подбородок, Алексис вновь отвернулся к окну.

Вдруг захотелось, чтобы никакого стекла между ним и сентябрьским дождем не было. Он бы подставил лицо ветру и холодным струям, позволил им остудить себя, подождал, пока вода смоев воспоминание о той безобразной сцене, об отцовской пощечине, что до вечера звенела в голове, о поджатых губах матери, которая избегала смотреть ему в глаза, зато говорила какую-то бессмыслицу о том, как «все должны друг другом дорожить, а ни одна размолвка не стоит обеда». Ну конечно же. Конечно. Зато, видно, размолвка и оплеуха очень даже стоят того, чтобы никто и не подумал сказать ему доброе слово на прощание, а уж проводить до Петербурга...

В носу странно защипало, и Алексис невоспитанно потер его ладонью.

– Алексис, а ты... вот прямо так отцу сказал? – тон Петра Васильевича стал особенно деликатным.

– Ну почти. Не помню слово в слово, – Алексис посмотрел на дядю. На плечи вдруг навалилась тяжелая, унылая усталость. – Это ведь неважно. Я мог быть ужасен, а мог – предупредителен и кроток, он все давно решил и мнение свое обо мне давно составил, ничего хорошего между нами бы все равно не вышло, даже если бы я отступил. А я не отступлю, – Алексис поджал губы. – Спасибо, что он хоть дверь передо мной не запер и не велел лошадей не давать. Я возвращаюсь в Корпус. Там мои друзья, там все, что мне важно, там я и должен быть. И вы знаете это не хуже меня, – тут он тепло улыбнулся, поймав дядин взгляд. – Просто у вас доброе сердце, и оно болит даже за мир в семье непутевых Полевых. Я ведь прав?

– Ох, Алексис, все-то ты знаешь, – дядя тоже улыбнулся, устало и немного грустно, а потом обнял его за плечи. – Во всем-то ты прав...

Мимо по дороге, опасно обгоняя, пронеслась большая черная карета. Алексис подался к окну – показалось, что это экипаж Феди Лорингофена, – и принялся высматривать ее впереди: сердце и мысли уже были с друзьями и наставниками.

1

*Начало октября 1809 года
Ораниенбаум, Санкт-Петербургская губерния
Российская империя*

В конференц-зале было светло. Утренняя свежесть норвила забраться за воротник форменного сюртука, и юный князь Александр Елецкий поймал себя на мысли, что ничего не потерял бы, будь тепла в великолепных стенах Кавалерского корпуса немного больше, а прохлады, призванной привить воспитанникам спартанский стоицизм, – несколько меньше. Впрочем, кто он, чтобы возражать наставнической мысли? Чуть усмехнувшись собственному смирению, князь сильнее выпрямился в преддверии торжественной встречи с директором, и в этот момент двустворчатые двери с грохотом распахнулись.

На пороге замерли трое юношей. Один был в серебристо-сером рединготе вместо предписанной формы и держался едва ли не царственно; второй – рослый, бледный, до крайности худой и отчаянно черноглазый, из-за тонких, длинных рук и ног казался на редкость нескладным и заметно стеснялся тесного, криво сидящего сюртука; третий же, невысокий и смуглый, так и поблескивал смеющимися карими глазами, форменный сюртук просто накинул на плечи, а правую манжету где-то испачкал чернилами. За первыми он наблюдал тем опасно цепким взглядом, который люди легкомысленные принимают за озорной. Князь Александр Елецкий в свои восемнадцать лет человеком легкомысленным себя не считал.

«Что-то будет», – подался он вперед и замер в предвкушении.

Юноша в тесном сюртуке сделал шаг через порог, пытаясь обогнуть «серебристого», но тот не только не двинулся с места, но и возмущенно возвысил голос:

– Позвольте, сударь! – Он занял собой весь дверной проем. – Может быть, в глуши, откуда вы прибыли, в ходу подобные манеры, но здесь, в Ораниенбауме, вам не следует столь бесцеремонно отдавливаться людям ноги!..

– А может быть, вам не следует быть столь неуклюжим элефантом? – наигранным басом поинтересовался его смуглый спутник.

Ученики в первых рядах засмеялись, кто-то шагнул ближе к разворачивающейся сцене, кто-то вытянул шею, чтобы лучше видеть.

«Серебристый» заметно побагровел и сорвался на тон выше:

– Вы забываетесь, сударь!

– Ничуть, – с издевательской невозмутимостью отозвался смуглый. – Летом я видел элфанта в зоосаде и способен узнать, увидев его снова... – Он слегка подтолкнул своего художца-спутника в спину: – Проходи же, Федя, не стой осиной одинокой.

Бог знает, чем бы все обернулось, если бы за дверью не раздалась стремительные шаги и за спинами спорщиков не появилось новое лицо. Этот человек был молод, не старше тридцати, темноволос, хорош собой и всем своим обликом наводил бы на мысль о романтическом поэте, если бы не взгляд – острый, все подмечающий. По внезапному наитию Александр поднялся на ноги и вытянулся, остальные чуть поколебались – и начали следовать его примеру.

– Садитесь, господа. – Вновь прибывший, усмехнувшись, глянул на спорщиков в дверях: – Прошу и вас занять свои места. – Затем он взбежал по ступеням и встал за высокой кафедрой. – Приветствую вас от имени Императорского корпуса магических, тайных и возвышенных наук. Увы, шторм не позволил вовремя прибыть нашему директору. Василий Федорович задержался в Гельсингфорсе, и потому встречаю вас я, Адам Соболевский, его заместитель и помощник. С сегодняшнего дня все вы – юстициары, ответственные за силу договоров, и словотворцы, владеющие волшебством поэзии, алхимики и мастера механики, целители и управители стихий – вступаете в новую для себя эпоху, переходя на вторую, высшую ступень обучения. Корпус призван воспитать лучших мастеров магии, каких еще не бывало в нашей России, и этими лучшими станете вы.

Слушая господина Соболевского и, по накрепко укоренившейся привычке, сидя очень прямо, Александр задумчиво изучал его лицо. Знарок «законности естественной и магической» обладал некой особенной страстью, которая обычно несвойственна юристам-крючкотворам. Предыдущие три года в Корпусе научили Александра многому и многим удивили: уважительное обращение даже с самыми юными воспитанниками, полное отсутствие розог и запрет на рукоприкладство со стороны учителей, спартанские, но достойные условия казались необычными не только ему, но и деду, адресату большинства его писем. Однако всем, кого он встретил на первой ступени учебы, была присуща некоторая сдержанность, взгляд покровительственный и не без снисходительности. Директор Черешин дорожил воспитанниками и не стеснялся это показать, однако никогда не давал понять, что смотрит на них как на равных: малы еще, несмышлены, дорасти бы сперва и поумнеть. Господин Соболевский, похоже, считал, что они вполне доросли, и говорил сейчас так, будто произносил речь в Сенате перед молодыми гражданами Римской республики, от которых зависит будущее.

Александр чуть улыбнулся сравнению, поймал себя на том, что отвлекается, и, нахмурившись, постарался сосредоточиться.

Соболевский продолжал:

– Как все вы знаете, господа, до недавнего времени Российская держава не имела своей академической традиции в деле изучения и развития магии. У нас не было ни Коллеж святых воинов Луи-ле-Гран, как у французов, ни Итонской школы колдовских ремесел, как у англичан, ни тем более Венецианского тайного капитула. У нас было много силы, как показали тяжелые времена нашего прошлого, но не было ни воли, чтобы эту силу организовать, ни наставников, которые научили бы достойно ей владеть.

Соболевский ненадолго смолк, обводя собравшихся взглядом и явно проверяя, внимательно ли его слушали. Он мог не сомневаться: установилась такая тишина, что заглянувший было в конференц-зал паук смутился и вместо того, чтобы побежать наискосок к окну, предпочел юркнуть под плинтус и не мешать господам студентам топотом своих многочисленных ног.

Соболевский между тем подался вперед и слегка повысил голос:

– Теперь, вот уже несколько лет, по решению государя нашего императора, все иначе. Корпус призван создать для вас идеальную обстановку и расписание, а наставники – лучшие, у кого вы могли бы учиться. На старшей ступени вам будет преподавать магию предметов и механизмов Вильгельм Берендт, прибывший из Геттингена; науку о растворах, смесях и настоях –

профессор Лукаш Гавранек; со стихиями вас познакомит месье Люсьен Леви; о колдовской поэзии расскажет Дмитрий Овинов; а ваш покорный слуга, – он коротко поклонился, – даст вам азы магической и обыденной законности и станет главным наставником немногочисленных собравшихся здесь юстициаров. – Оценивающий взгляд Соболевского остановился на Александре. Тот после короткой заминки слегка поклонился в ответ.

В зале по-прежнему стояла тишина, теперь почти благоговейная. Имена, называемые Соболевским, принадлежали людям-легендам. О которых говорили, спорили, за чьими книгами гонялись и учили иностранные языки, потому что переводов порой нестерпимо не хватало. Может быть, никто из этих профессоров не обладал политическим влиянием, не носил орденов, но вряд ли среди собравшихся в конференц-зале был хоть кто-то, не желавший в чем-нибудь сравняться с ними. Сам же Адам Соболевский... Его недавняя статья о тайных трещинах в магических договорах наделала такого шума, что Александра будоражила одна только мысль обсудить все это с ним.

– Вам предстоит нелегкий путь, не стану обманывать, – говорил тем временем предмет его настойчивого интереса. – Учение займет почти все ваше время, отход ко сну и пробуждение останутся ранними, как были в первые годы учебы, выход в город – ограниченным, а представлены самим себе вы будете только по воскресеньям. Преподаватели взыскательны, экзамены суровы. Однако все это окупится сторицей. Вы же помните, с какими словами государь наш император открывал три года назад Корпус? «Силы ума и духа объединятся и, вдохновленные огнем сердец, достигнут здесь высот небывалых, а после, окрепнув, послужат к благополучию и небывалой славе державы Российской». Каждого из тех, кто всецело посвятит себя учебе, ждет особенное будущее и успех, многим недоступный, будь то на военной службе, на государственной или в науке. – И снова пристальный взгляд человека, старающегося оценить, должным ли образом восприняты его слова.

Ответ был интересен и Александру, поэтому он принялся рассматривать украдкой своих будущих соучеников. Многих он прежде видел только мельком: на предыдущей ступени их было слишком много, чтобы всем жить и заниматься вместе. Начиная свой эксперимент, император щедро отдал в распоряжение Корпусу, на который возлагал большие надежды, весь комплекс Нижних домов. В четырех поселились по двадцать неумных мальчишек в каждом, в пятом обустроили столовую, кладовые и комнаты обслуги. Находившийся в двух шагах Картинный дом отвели под художественную галерею, фехтовальный зал и учебные комнаты.

В пору жизни в Нижней школе, как ее быстро все прозвали, Александру казалось, что вокруг никогда не прекращается шумное движение. Кто-то устраивал догонялки или прятки в парке, кто-то с кем-то бурно ссорился, а то и дрался, за кем-то гнался слуга. Всю эту толпу решительно невозможно было узнать по-дружески или хотя бы просто запомнить в лицо, и уже к Рождеству первого года он перестал пытаться, удовлетворившись одним близким другом и парой знакомых. Теперь в Нижние дома приехали уже новые младшие, чтобы пройти тот же путь. А старших студентов, перебравшихся в холодный прекрасный Кавалерский корпус, – уже со своей столовой, залами, классами, – по итогам экзаменов осталось всего тридцать. Предполагалось, что они – лучшие. Так ли это?

Александр отметил мечтательный, чуть шальной взгляд смуглого юноши, назвавшего противника в дверях «элефантом», голодное и будто хищное выражение лица этого самого противника, сумрачный огонь и неясный порыв в глазах того, из-за кого они схлестнулись. Надо же, сколько сдерживаемых страстей в ответ всего лишь на рассказ о Корпусе, и ведь этим все не ограничивалось. Лицо высокого бледного ученика в дорогом черном сюртуке, сидевшего чуть поодаль, выражало странную горечь и плохо скрытый вызов, его сосед как засиял при словах о благополучии державы, так и выглядел довольным и умиротворенным. Все они казались до того интересными, что Александра и самого все больше захлестывало воодушевление: кроме ремесла, которое он старательно осваивал, ничто не увлекало его так, как изучение

людской природы. Скорее бы обсудить впечатления с Митей, но он так усердно упражнялся перед возвращением в Корпус, что переутомился, слег с жаром и приедет на пару дней позже. Мысль заставила Александра нахмуриться: Митя Ховрин, его сосед по комнате все первые три года и единственный близкий друг, болел слишком часто.

– Я счастлив видеть огонь в ваших глазах, господа. – Соболевский сдержанно улыбнулся. – Не сомневаюсь, что избранный путь вы сумеете пройти достойно, и Корпус в будущем сможет с гордостью называть в числе своих выпускников каждого из вас. На этом позвольте закончить. Остаток дня вы можете посвятить знакомству с местом, где теперь будете жить и учиться, или задать вопросы о своем обустройстве кастиеляну Кузьме Лукичу – он ждет вас в красном флигеле во внутреннем дворе и во всем поможет. А с завтрашнего утра вас ждут первые уроки. Сейчас же вы свободны. Добро пожаловать, ваша дорога началась.

Александр поднялся с места, поглядывая на соучеников, и вместе с ними двинулся к выходу. Сегодня всех их встретили не просто стены Корпуса – их встретил Адам Соболевский, и эта встреча обещала не только достойное наставничество, но и, похоже, общий огонь, общее дело, которое так радостно будет разделить с опытным коллегой.

2

Раннее утро пятнадцатого октября выдалось пасмурным и дождливым, до того темным, будто сегодня и вовсе не рассветало, и оттого держать глаза открытыми и хоть что-то соображать было трудно. Александр, наверное, и вовсе проспал бы урок, если бы не Жанно – Иван Рощин, который жил за стенкой и завел привычку каждое утро барабанить в двери к соседям справа и слева и будить их. Сам он каким-то чудом всегда просыпался именно в то время, которое задумал, начинал день с умывания ледяной водой и прогулки, и, кажется, это «спартанство» отлично влияло на его ум и способности.

По крайней мере, сейчас он удовлетворенно рассматривал темный металлический брусок, который в его руках уже успел побывать и кедровым, и вырезанным из чистого лазурита. Невозможно было не позавидовать: брусок самого Александра так и оставался пока странной полугранитной-полустальной помесью и взирал на него со стола с явной укоризной.

– Отстае, Елецкий, – строго повысил голос Вильгельм Карлович Берендт, проходя мимо его стола. – От-ста-е-те! – отчеканил он четче и еще громче.

Высокий, широкоплечий, крепко сбитый, профессор напоминал полного сил першерона. Добротный коричневый сюртук добавлял его облику основательности. Грубоватые, крупные черты лица сделали бы, наверное, Берендта похожим на зажиточного немецкого фермера, если бы не взгляд глубоко посаженных темных глаз. На студентов профессор Берендт смотрел пристально и взискательно, в его присутствии хотелось держать спину прямо и справляться с работой так, чтобы заслужить хоть пару слов похвалы.

Александр нахмурился, водя по бруску пальцами и мысленно ища сопряжение. Почему-то считалось, что юстициары воспринимают магию предметов и материалов как родственную, потому с упражнениями на изменение их природы и свойств справляются легко, но то, должно быть, немецкие юстициары, с которыми Вильгельму Карловичу привычно иметь дело. В себе Александр подобных талантов не ощущал и чувствовал к Рощину какую-то ревнивую злость.

Ну же, где сопряжение? Где?!

– Итак, господа, – Вильгельм Карлович говорил неспешно и наставительно. – Прошу внимания тех, кто закончил со вторым этапом трансформации. Придайте металлической заготовке форму, заострите ее достаточно, чтобы рассечь лежащие у вас на столах лоскуты материи, а после – затупите. Достаточно, чтобы тот, кому вы передадите ваш металлический предмет лезвием вперед, не порезал пальцы. Прошу!

Вокруг завозились, зашептались, несмотря на строгие взгляды, которые Вильгельм Карлович то и дело метал по сторонам. Кто-то приглушенно фыркнул от смеха, будто и не нагоняло

только что на всех сонливость пасмурное утро. Александр окинул быстрым взглядом класс и, раздосадованный, невольно сжал крепче зубы: неугомонный Алексис Полев крутил в пальцах столовый нож, напоминающий ятаган, и норовил, кажется, впечатать в клинок стихотворные строчки; обстоятельный и аккуратный Павел Тулупов предпочел похожий прибор, только без всяких изысков, и уже рассек полотняный лоскут; Роцин проделал то же самое остро отточенным кортиком. Один Александр, кажется, считал ворон и никак не мог справиться с элементарной трансформацией! Хотя нет, не один: вон Федя Лорингофен озадаченно смотрит на плоский синий камень перед собой.

– Елецкий! – раздалось почти над ухом в подтверждение того, что ворон и правда пора бы перестать считать, и Александр поспешил вернуться к работе.

«Ну же! – Он медленно, глубоко вздохнул, позволяя себе успокоиться, будто сливаясь с синими жилами самоцвета. – Вот сейчас...»

Поддаваясь его воле и усилию, брусок превратился в лазуритовый, потом обернулся сталью и, наконец, принял форму тонкого стилета. Александр коротко улыбнулся, скользнул по клинку обеими ладонями, заостря его, и почти закончил, когда раздался крик боли. Тут уж никто не обвинил бы его, что он попусту отвлекается: на такой вопль, наверное, и с первого этажа сейчас прибегут. Александр аккуратно отложил стилет, чтобы не тревожить только что измененный материал, и приподнялся.

В дальнем углу класса явно разворачивалась драма.

– Все хорошо! Уверю вас, все хорошо, господа! – голос просительный, мягкий и при этом звенящий от напряжения. Наверное, из всех них один Антон – Тося – Озерцев и способен успокаивать других, когда ему больно!

Он, с его необычайной добротой к каждой твари божьей, очень располагал к себе, и сейчас Александр подался к его конторке, чтобы помочь. Вокруг уже столпились студенты, так плотно, что самого Озерцева и не разглядеть было, только слышались встревоженные голоса.

– Да где же хорошо, если я тебя до крови поранил?! – Возмущение пополам с тревогой. Так яростно тревожиться умеет только Лорингофен.

– Да что ж, что поранил?! Федя, не топчись! Дай лучше платок, успеешь еще омыть раны слезами, – поровну досады, заботы и насмешки. Алексис Полев, кто же еще?

– Лорингофен, почему, если что-то идет не так с опасными материалами и механизмами, дело непременно в тебе, а? – А вот тут уже злая издевка, вальяжно-небрежный тон. Поль Тулупов не умеет держать на привязи язык. Без него никак, когда у кого-то что-то не ладится.

Досадливо поморщившись, Александр шагнул вперед. Не то чтобы он сомневался в способности Озерцева или Лорингофена справиться без его заступничества – сомневаясь в человеке, показываешь, что заведомо ставишь его ниже себя, – но посчитал нужным быть рядом. Неважно, серьезная там беда или ерунда какая-то, но Тулупов и Полев – отличная компания, чтобы затеять внезапную свару, и наверняка прескверная, если кто-то ранен.

Похоже, ровно те же мысли посетили кудрявую голову Роцина: одновременно с тем, как Александр нырнул в толпу студентов, тот оказался рядом – вместе с профессором, которого успел привести.

– Что происходит, господа? – Вильгельм Карлович возвышался даже над самым высоким из учеников. – Позвольте пройти, расступитесь же. – Студенты послушно дали ему дорогу. – Озерцев, позвольте, я взгляну. Так, что у нас тут?.. – Профессор, хмурясь, стал рассматривать перечеркнутые глубоким порезом пальцы Озерцева. Белая манжета, конторка, полотняный лоскут, который использовался для практики, – все было щедро заляпано кровью. – Так-так... – Вильгельм Карлович накрыл пострадавшие пальцы широкой ладонью. – Что ж, обычный порез, насколько могу судить, хоть и глубокий, не ощущаю никаких признаков магической деструкции. Позвольте, пока сделаем вот так. – Он аккуратно перевязал руку Озерцева своим

платком. – Однако после обеда потрудитесь заглянуть к доктору во флигель, пусть удостоверится...

– Но, Вильгельм Карлович! – не выдержал Лорингофен, который все это время стоял рядом с совершенно несчастным видом, переводя взгляд с друга на профессора и обратно. – Это же не какое-нибудь оружие или яд, я ничего такого в магическое действие не вкладывал, да и не умею пока этого. Я при всем желании не смог бы причинить Тосе... то есть Озерцеву, вред. А у меня и быть не могло такого желания! – Он так разволновался, что стал белее снега, только скулы пошли красными пятнами.

– Что ты, я же ничего и не говорю... – Озерцев осторожно тронул его за плечо, не совсем, похоже, уверенный, как друга успокоить.

– Мне кажется, это просто казус, – неожиданно для самого себя громко сказал Александр и мгновенно привлек внимание окружающих. – Здесь не из-за чего виниться или переживать, – прибавил он чуть тише, но все так же твердо.

– Как-как, господин Елецкий? – Вильгельм Карлович чуть улыбнулся, его очки в стальной оправе блеснули, как отточенный ланцет.

– Произошел неуспешный казус, какие бывают при магических экспериментах или практических занятиях. – Александр смотрел на профессора. – В «Законах и правилах о практическом приложении навыков колдовских и алхимических» Якова Вилимовича Брюса¹ говорится об этом. Он пишет, что неуспешные казусы возможны, даже если практикующий чародей полон сил, правильно вложил стремление и достаточно знает о своем деле. Хватит неудачного стечения обстоятельств, луча света или звука, который отвлечет, случайной мысли... Чародей ослабит внимание, магия вырвется из-под контроля, как строптивное животное, и возникнет казус. «Магия капризна», – осторожно закончил он прямой цитатой автора знаменитого руководства. – Яков Брюс, запись от сентября 1723 года.

– Хм. Ха! – Вильгельм Карлович вдруг без всякой степенности ухмыльнулся. – «Магия капризна», значит? А, Елецкий? Рассуждаете как француз, – несмотря на ухмылку, фыркнул он, как сердитый мастиф. – Впрочем, ваш Брюс был шотландцем... Ну да кто их разберет... Ладно! По сути, во многом верно. Господин Озерцев, если вам не больно, займите свое место. Господин Лорингофен, возьмите свое обоюдоострое... нечто... – Клинком то, что сделал Федя и что поранило Озерцева, действительно вряд ли можно было назвать. – И тоже вернитесь к себе. Это касается и остальных, господа. – Вильгельм Карлович слегка повысил голос: – У нас еще четверть часа, успеем и проверить вашу практику, и обсудить слова господина Елецкого.

Возвращаться к обыденному ритму урока явно никому не хотелось, но, когда профессор Берендт прошел за кафедру, студенты тоже понемногу разбрелись по местам.

– Итак, кто мне скажет, что Яков Брюс писал о возможных причинах подобных магических срывов? Как объяснял их? Ведь были же у него какие-нибудь объяснения, не считал же он единственной причиной мис-ти-ку вроде «по тайным загадочным причинам и по воле божьей». Не-счи-тал? – последний вопрос профессор отчеканил по слогам и принялся по очереди впиваться в студентов тяжелым взглядом.

На некоторое время в классной комнате стало очень тихо. Одни придумывали, как бы половчее уклониться от ответа, если спросят именно их, другие соображали, как бы так получше со своим ответом выступить и чем его украсить, чтобы произвести на сурового профессора блестящее впечатление.

Александр, рассеянно наблюдая за тем, как Алексис Полев изо всех сил пытается слиться с конторкой, усиленно размышлял. Как бы так вернуть, что знаменитый «чернокнижник» и

¹ Яков Брюс – государственный деятель, инженер и ученый, чародей при императоре Петре Алексеевиче. Теоретик магии, алхимик и механик, автор первых пособий по магической науке на русском языке.

«колдун с Сухаревой башни» писал скорее о сатанинской воле, чем о божьей? И как покрасивее с этим связать его мысль об обязательной стойкости чародейского духа?

– Вы позволите, профессор? – голос черноволосого юноши в первом ряду, негромкий и будто лишенный выражения, разрезал тишину. Вислоцкий. Нет, все-таки от этой его манеры говорить, будто заводной механизм, всякий раз мороз по коже!

– Прошу, господин Вислоцкий, – Вильгельм Карлович сделал приглашающий жест.

– Яков Брюс писал, что причина как успехов, так и неудач, в том числе срывов и экспериментаторских казусов, всегда в самом чародее. – Со своего места Александр видел профиль Вислоцкого и с неожиданным раздражением думал о том, сколько уверенности в холодном, ровном голосе и невозмутимом лице польского князя. Вислоцкий между тем продолжал: – По его мысли, если чародей обладает достаточными знаниями, решителен в стремлении и хорошо понимает его последствия и смысл, ничто не может ему воспрепятствовать, кроме него самого. Тот, кто стоек духом, знает себя и свою силу, идет верным путем, избегнет и малых, и больших ошибок. Тот же, чья воля слаба, кто запутался в себе и своих страстях, может стать источником множества промахов и... казусов. – Несколько секунд Вислоцкий помолчал, а потом вдруг иронически улыбнулся и прибавил: – Хотя, надо сказать, влияния высшей воли Брюс тоже не исключал, порой даже склонялся в ее пользу. Только не божьей, а сатанинской. – Улыбка стала шире: поминать вслух сатану прямо посреди классной комнаты, во время урока ему явно доставляло удовольствие.

Александр быстрым взглядом окинул класс. Полев, все еще не слишком заинтересованный, яростно пытался подсунуть Рошину какую-то записку. Озерцев сосредоточенно баюкал пострадавшую руку. Тулупов и еще несколько человек прислушивались, и было видно, что они чем-то взбудоражены. Лорингофен низко опустил голову и выглядел донельзя подавленным.

– Оставим разговоры о сатане да бесах, господин Вислоцкий, – поморщившись, Вильгельм Карлович повел рукой, будто хотел туман перед лицом разогнать. – Их, увы, слишком много в работах о магической науке, если эти работы написаны католиками. – При этих словах Вислоцкий едва заметно вздрогнул и выше вздернул подбородок. – Хм, да. Так уж есть, не сказать, что в обиду... Но дело-то не в чертях, да. Дело в той самой воле, тут покойный господин Брюс был всецело прав. Что скажете на это? А, Лорингофен?

Класс затаил дыхание в ожидании ответа Феда, а тот еще несколько секунд буравил взглядом темное дерево конторки, потом поднял на профессора глаза. Горящие обидой, злостью и каким-то особенным упрямством.

– Вильгельм Карлович, я не думаю, что моя воля слаба, – тихо, но вполне отчетливо произнес Федя. Его длинные пальцы так и впились в конторку.

– Вот как? – Профессор, кажется, был заинтересован.

– Да! – Федя сдерживался, но в его голосе звучало все больше напора: – Я много упражняюсь, я знаком с разными методами, я чувствую материалы, как... как иногда моряки чувствуют ветер. Я... избегаю страстей... – При этих словах Алексис Полев оторвался от перешептываний с Рошиным и недоверчиво уставился на него. – Любых. Знаю свой путь. Я действительно не думаю, что воля изменила мне, – под конец Федя стиснул крышку конторки так, что на мгновение Александр испугался, как бы он ее вовсе не отломал.

– Что ж. – Профессор, все это время стоявший за кафедрой, снялся с места и зашагал по классной комнате. – Что ж... Если вы в этом уверены, Лорингофен, то к исходу урока ответьте мне, что в таком случае послужило причиной вашего промаха? И продемонстрируйте успешную трансформацию. Тогда я полностью зачту вам сегодняшнее задание. А пока, господа, – он обвел студентов внимательным взглядом, – вернемся к делу, проверку ваших работ никто не отменял.

Остаток урока прошел в сосредоточенном молчании: Вильгельм Карлович не был настроен вновь тратить время на праздные разговоры о воле и магии, а студенты успели усво-

ить, что делать что-то поперек его настроения себе дороже. Разумеется, Вильгельм Карлович не нарушал правила Корпуса и не поднимал ни на кого руку. Не позволял он себе и чрезмерной словесной горячности, но все знали: если самонадеянно привлечь к себе внимание, а после продемонстрировать недостаточные умения, он спуску не даст – пожалеешь, что на свет родился. Нет, стоило Вильгельму Карловичу впасть в сумрачную задумчивость, за которую он заслужил в Корпусе прозвище Туча, – как все становились шелковыми. Впрочем, Александр втайне полагал, что в случае с Полевым этот шелк запросто обернется посконью: соученику надо просто придумать безобразие, подходящее для сурового Тучи.

Тем не менее сейчас даже Полев был тих, мил и вежлив: когда профессор пошел по рядам, чтобы проверить работы учеников, показал ему свой ножичек-ятаган, кратко рассказал о трансформации и продемонстрировал остроту предмета на оставшемся лоскуте ткани. Они с Рошиным, как всегда, упражнялись вместе, потому и с Вильгельмом Карловичем говорили, дополняя и расцвечивая мысль друг друга. Профессора этот дуэт, кажется, забавлял, но кивал он вполне одобрительно. Таких же кивков от него удостоились молчаливый Вислоцкий, Озерцев, который, несмотря на внезапную встряску, сумел закончить упражнение и подрагивающими руками продемонстрировал наставнику результат. Вильгельм Карлович расщедрился на несколько похвал для Тулупова и сдержанное «принято, господа» в адрес его соседей, затем взглянул на работу Александра и после короткой паузы негромко усмехнулся:

– Прекрасно выполнено, Елецкий. Миниатюрная копия парадной шпаги генералиссимуса, не так ли? – Аккуратно взяв оружие за рукоять, он внимательно осмотрел его, взвесил на ладони, коснулся острия. – Прекрасно. Даже слишком. Я наблюдал за вами, вы едва уложились в отпущенное время и долго не могли приступить к работе, вероятно, боясь несовершенного результата. Вам следует избавиться от этой робости, и чем скорее, тем лучше. Полагаю, мы поработаем над этим, да-да, – с этими словами Вильгельм Карлович двинулся дальше по классной комнате.

Нахмурившись, Александр уставился на свою работу, покрутил крошечную шпагу в руках. Разве дело в робости? Разве из-за нее он так медлил, а не из желания добиться идеала? И как можно не опасаться несовершенства, зная, как дорого может стоить промах юстициара? Что же тогда Вильгельму Карловичу не по нутру? Задумчиво взвесив шпагу на ладони, Александр бросил быстрый взгляд в сторону преподавателя и решил непременно подступиться к нему с вопросами: не отделается, пока не разъяснит все в деталях. Как же исправить промах, если даже не понимаешь до конца, в чем он состоит?

Борясь с досадой на собственную несообразительность, Александр выпрямился за конторкой, еще раз осмотрел класс – мелочно захотелось убедиться, что не он один получил замечания, – и увидел, как наставник остановился возле конторки Лорингофена.

Вильгельм Карлович скрестил руки на груди, вопросительно вскинул брови. Он сейчас был весь внимание, причем внимание самое что ни на есть строгое и требовательное.

– Итак, Лорингофен? – Вильгельм Карлович слегка склонил голову к плечу. – Начнем с успешной трансформации? Вы готовы?

Лорингофен выглядел таким утомленным, будто уже провел долгий, трудный день за учебой: бледное лицо, лихорадочные красные пятна на щеках и скулах, под глазами обозначились тени. Коснувшись ладонью повлажневшего лба, он стер проступившую испарину, пальцы чуть заметно дрогнули.

– Д-да. Я готов, Вильгельм Карлович. Прошу, взгляните.

То, что Лорингофен продемонстрировал, меньше всего напоминало те миниатюрные клинки, которые сейчас лежали на других конторках. Нечто странное, кривое, шириной в ладонь, длиной в пол-локтя, отдаленно похожее на язык пламени. При виде этого угрожающего оружия ближайший сосед Лорингофена попятился на пару шагов и встал так, чтобы укрыться

за конторкой, а те, кто был подальше, стали вытягивать шеи, чтобы все получше разглядеть. Профессор оставался невозмутим.

Федя вооружился своим дикарским творением, аккуратно взял лежавший перед ним лоскут, – словно боялся, что и ткани может причинить боль, – и быстрым взмахом рассек его надвое. Два полотняных треугольника упали на конторку. И оказались покрыты инеем по краям, как если бы их кто-то подрубил ледяной иглой.

В классе повисло озадаченное молчание, затем кто-то презрительно хмыкнул, кто-то зашептался, кто-то просто завозился, переглядываясь с соседом.

«Да проще простого же!..» – встревоженный вздох, кажется, принадлежал Полеву, который даже шептался так, что его можно было услышать в Петербурге.

– Ничего не понимаю! – проговорил Федя сквозь зубы, и на его челюстях заходили желваки. На Вильгельма Карловича он не смотрел. – Я все делал правильно, по вашим объяснениям, уверен в этом. Да я с закрытыми глазами сам могу их кому угодно повторить! – Он все-таки поднял на профессора вспыхнувший взгляд. – Не п-понимаю, откуда взялся лед... Но я уверен, что твердость моего духа тут ни при чем, – упрямство звучало в его голосе все отчетливее. – И Вислоцкий неправ!

– В самом деле? – Вислоцкий откликнулся мгновенно, с той надменностью, которую с начала учебы успел попробовать на себе не один его соученик. Лицо его при этом оставалось непроницаемым. – Почему же тогда ты не только снова ошибся с простейшей манипуляцией, но и использовал в ней магию другой категории?

– Довольно, господа! – слегка повысив голос, Вильгельм Карлович разом перекрыл шепотки в классе и погасил начинающуюся перепалку. – Позвольте мне задавать вопросы и давать комментарии. Кажется, сейчас мой черед.

Хотя ошибся – уже во второй раз за урок! – Федя, скупая улыбка профессора неожиданно досталась именно ему, а не Вислоцкому.

– Лорингофен, – продолжил Вильгельм Карлович, – вы по-прежнему утверждаете, что Вислоцкий неправ, но собственного объяснения не дали. Вашу работу можно назвать по-своему красивой, но вряд ли – соответствующей инструкции. Готовы ли вы предложить хотя бы гипотезу того, что же происходит, когда вы манипулируете магической силой?

Воцарилась тишина. Александр вместе со всеми превратился в слух. Странности интриговали, и он ловил себя на том, что не отказался бы от такого задания к следующему уроку: «Проблема магии Федора Лорингофена и как ее решить». Немного бессердечно, зато увлекательно. К тому же, если в этом разобраться, Лорингофен, вероятно, перестанет выглядеть таким раздражающе удрученным и наводить на мысли о трауре или великопостных бдениях.

– Вильгельм Карлович, – наконец произнес Федя, упорно не глядя профессору в глаза, – вы правы, я по-прежнему считаю, что Вислоцкий н-неправ, я... я чувствую в себе силу и уверен в ней, но... нет, у меня пока нет ответа. Но я клянусь его найти! – Последние слова он выдохнул с такой горячностью, что даже его заикание будто отступило. Пальцы Феди отчаянно комкали шелковый лоскут.

– Что ж, Лорингофен. – Вильгельм Карлович аккуратно поправил очки и в очередной раз смерил его внимательным взглядом. – Допустим. Допустим, что так. Хорошо. Я зачу вам сегодняшнюю классную работу с оценкой «удовлетворительно», это заслуженно с учетом того, что главное задание вы выполнить сумели. Однако к вашим промахам мы еще вернемся. – Некоторое время профессор сверлил его задумчивым взглядом, потом досадливо вздохнул: – Не понимаю, что с вами. В прошлом году, да и раньше, вы справлялись куда как лучше. Может быть, просто нужно собраться? Уделить учебе больше времени? – Он помолчал немного, все еще рассматривая Лорингофена, затем продолжил: – К следующему уроку вам предстоит поупражняться в трансформации материала, пребывающего в безопасной форме, – небольшого деревянного коробка, – с этими словами Вильгельм Карлович продемонстрировал на ладони пред-

мет, который описывал. – Вам предстоят три последовательные трансформации: другой вид дерева, металл, камень – по вашему вкусу, с подробным описанием в дневнике наблюдений. Это задание для всех! – Профессор повысил голос, чтобы его слышали все в классной комнате, а затем вновь взглянул на Федю: – Вам же, Лорингофен, надлежит в дополнение подробно описать в дневнике наблюдений каждое внутреннее ощущение, физическое в той же мере, что и духовное, которое вы будете испытывать, упражняясь. Позже мы сможем это обсудить. Есть ли у кого-нибудь вопросы, господа? – Вильгельм Карлович выдержал небольшую паузу и удовлетворенно кивнул: – На столе в углу вы можете взять себе материал для упражнений, оценки ваши появятся в табеле. До следующей встречи, господа, приятного вам дня.

Тишина разом рассыпалась на мелкие осколки: студенты зашумели, заговорили все разом, двинулись к столу выбирать себе коробки – кто по форме, кто по гладкости, кто по размеру. Александр подошел одним из последних, не желая оказаться в толпе, и едва не столкнулся лбом с Митей, который методично простукивал оставшиеся на столе коробки, видимо, ища материал, к которому больше лежала душа.

– Удивительно, не так ли? – без всякого вступления спросил тот. – Будто последствия беды или боли. Я не мог совладать со своей водой, когда Алеша умер. – Сколько бы лет с тех пор ни прошло, а боль по-прежнему искажала лицо Мити, стоило только упомянуть о старшем брате, вот и сейчас будто тень набежала. – А после оказалось, что дети-чародеи так переносят скорбь... – Он помолчал. – Удивительно, ведь Лорингофен не ребенок, верно? – Митя полупросительно взглянул на Александра, но сам же не дал ему ответить, поспешно прибавив: – Прости, я не ко времени разговорился, идем, а то опоздаем к Леви.

– Идем-идем, – отозвался Александр, поспешно раскланялся с Вильгельмом Карловичем и заторопился следом за приятелем.

3

Мысль опаздывать на урок профессора Леви Александру не нравилась совершенно: пусть до сих пор ему довелось познакомиться с этим человеком только шапочно, раздражать или сердить его нехваткой дисциплины или пренебрежением к его предмету не хотелось.

Люсьен Леви пользовался репутацией грозной и, по мнению скептиков, несколько сказочной. Говорили, что он в семнадцать лет осиротел, потому что его родителей и старших братьев казнили по приговору Конвента, что сам он к тому времени уже имел офицерский чин, сумел совершить головокружительный побег из тюрьмы, собрать вокруг верных роялистов и умчаться в Бретань, где уже тлело восстание. Что у юного Леви магического дара и военного таланта было на десятерых взрослых командиров и он водил в бой полки мятежников. Что он не брал якобинцев в плен, а однажды с отрядом из пяти человек захватил замок, превращенный в тюрьму, и спас от пыток и казни сотню роялистов. Наконец, что как-то раз он остановил отступление в безнадежном бою и превратил поражение в победу, сам при этом был тяжело ранен и его уже оплакивали, но он чудесным образом вернулся с того света.

А еще говорили, что профессор Леви, он же в прошлом герцог де Леви, вспыльчив, неуживчив, скор на расправу, горд больше, чем сами Бурбоны. Оказавшись в числе тех, кому император Наполеон простил роялистские мятежи, принимать прощение он не пожелал, потому как, по его мнению, «нет чести в том, чтобы кланяться наглому корсиканцу». После этого он обосновался в России и чем только ни занимался, пока его не пригласили в Корпус.

Александра все эти истории не столько очаровывали, сколько занимали: очень уж хотелось узнать, где в них правда, а где цветистые выдумки. Профессор при знакомстве, конечно, смотрелся и аристократично, и грозно, но ведь они даже не знают доподлинно, насколько правдивы разговоры о его высоком происхождении. Как бы так выяснить?..

За этими размышлениями Александр вместе с Митей миновал коридоры, в которые выходили двери классных комнат и лабораторий, и вышел к главной лестнице. По слухам, здание их Корпуса перестроили чуть ли не из казарм, но даже если и так, сейчас это не ощущалось. Стены, облицованные деревянными панелями, наборный паркет, по стенам – канделябры в форме переплетающихся волн и языков пламени, в простенках – картины: чародеи за работой. Изображенные художником, который, похоже, подражал Рокотову, они смешивали и варили зелья, монтировали причудливые механизмы, укрощали стихии или сосредоточенно писали, и на бумаге проступали колдовские узоры юстициаров. А для тех учеников, кого недостаточно вдохновили и захватили эти образы, были более знакомые – те, что украшали главную лестницу Корпуса.

Она расходилась двумя широкими крыльями, и здесь висели портреты директора Черешина и нынешних профессоров. Некоторые считали, что художник многим из них польстил, но Александр не разделял этого мнения. Их учили люди примечательные, только подслеповатые или завистливые глаза не разглядели бы то, что художник в них уловил. Например, на портрете профессора Леви он, может быть, слишком заострил внимание на шрамах, рассекавших левую бровь и верхнюю губу, однако пронзительный взгляд синих глаз и манеру вздергивать подбородок подметил точно, да и в том, что к своим тридцати семи профессор полностью поседел, нисколько не солгал. Сейчас эта буйная серебристая шевелюра почему-то маячила внизу в вестибюле, у подножия лестницы, а не в классе. Нахмурившись, Александр ускорился.

Вестибюль уже всю мерили шагами Полев и Рощин, о чем-то вполголоса яростно споря; Лорингофен чуть поодаль что-то виновато говорил Озерцеву, а тот махал руками, пытаясь остановить его излияния. Вислоцкий примостился в углу у окна с маленькой книгой в черном сафьяновом переплете. Тулупов что-то увлеченно рассказывал, похоже, изображая в лицах некую сцену и вызывая взрывы хохота большой компании, которая собралась вокруг него.

Последнее зрелище показалось Александру неприятным, был в нем сладковатый привкус подобострастия. Он поспешил отвести взгляд – и тут же встретился глазами с профессором, который заинтересованно смотрел на него снизу вверх, кривовато улыбаясь и заложив руки за спину. Дождавшись, пока они с Митей спустятся еще на пару ступенек, Леви шагнул на середину вестибюля и хлопнул в ладоши.

– Приветствую вас, господа! – по-юношески звонкий голос разнесся под сводами Корпуса. Леви ступил в полосу бледного солнечного света. – Мы с вами уже немного знакомы, мы говорили о теории боевой магии и ее роли в современной войне, кто-то даже взял у меня экземпляр моих «Принципов современной магической войны», – слегка улыбнувшись, он кивнул Тулупову. – Я предполагал сегодня познакомить вас со своим видением поединка между магами, битвы и осады с их участием. Однако сегодня такой прекрасный октябрьский день, что сидеть в душном классе непростительно, вы не находите? – Улыбка Леви стала шире, в ней вдруг появилось что-то шальное.

Студенты переглядывались – кто настороженно, кто в предвкушении, кто просто озадаченно. Долго мучиться догадками профессор их не заставил: разгладив обшлаг синего сюртука, он махнул рукой в сторону двери.

– Идемте, господа! Проведем урок в парке. Я посмотрю, чего вы стоите в деле, а вы – на что способны вы сами и ваши соученики. Вперед! – На последнем слове голос профессора взлетел чуть выше, и в нем явственно прорвался французский акцент, что нисколько Леви не смутило: развернувшись на каблуках, он стремительно зашагал прочь из вестибюля.

Александр в смутной тревоге хмыкнул себе под нос: боевая магия никогда не была его сильной стороной, и сразу подумалось, что тут отличиться будет непросто. Вокруг возбужденно шумели, норовили обогнать друг друга в дверях, торопясь за профессором, и Александр с досадой подумал, что, кажется, чем-то обеспокоен он один.

– Саша! Да что же ты замер?! – Митя потянул его за рукав. – Пойдем скорее! Леви же, говорят, мастер магии воды, представляешь, если мы сейчас к каналу пойдем и он что-нибудь покажет?!

– Или к Кухонному пруду, и лучшие жабы выйдут ему навстречу! – поддразнил его Александр, но с места все-таки тронулся, не пытаясь, однако, кого-нибудь опередить.

– Ох, да ну тебя! – Митя в сердцах махнул рукой. – С тобой самое интересное пропустишь. Ты иногда совсем как дед! – И он скорее нырнул в редкую толпу.

Александр не стал уточнять, чей именно дед – Митин или его собственный, старый князь Елецкий. Верно было главное: он иногда в самом деле форменный дедушка – степенный и сварливый. Профессор Леви точно этого не одобрит, ну что ж, такая, видно, судьба. Александр дождался, когда в дверях перестанут толкаться, и двинулся следом за всеми.

Стоило выйти на крыльцо Корпуса, как сразу потянуло свежим ветром, который обещал по-настоящему холодный вечер и, казалось, нес дождь со стороны Петербурга. По мнению Александра, не было лучше времени года, чем осень, так что он с удовольствием вдохнул ненастную прохладу и зашагал по аллее, усыпанной листьями ольхи и клена.

Парк, окружавший Корпус, когда-то был частью другого – великолепного, украшенного множеством беседок, статуй и всяких «забав» и «руин». Потом его отгородили – сам Корпус тогда еще считался резиденцией кого-то из великих князей, – сначала переустроили, потом основательно запустили, и вот несколько лет назад, перед тем как пригласить наставников и свезти со всей страны учеников, привели в порядок снова. Теперь здесь были аккуратные прямые аллеи, которые окаймляли клены, ольхи и березы, несколько каналов, пруд, окруженный плакучими ивами, и фонтан. В центре фонтана сидел сам Вольга Святославич², святой покровитель русских чародеев, и улыбался до того хитро, будто собирался не превратиться в карпа вроде того, что аккуратно держал в руке, а слопать его, даже не сварив уши. Другой рукой он поднимал чарку, приветствуя продолжателей своего дела.

Александр фонтан скорее нравился, хоть и было с первого дня интересно, о чем думал скульптор, создавая лицо святого. А еще больше ему нравились уединенные аллеи и каналы. В парке приятно было укрыться от шума и дел, и теперь казалось странным здесь упражняться. Конечно, боевая магия профессора Леви была неотделима от стихий, а здешняя природа стихийной силой так и дышала, и все же ее тишина ни с чем таким не вязалась. Даже сейчас, когда со стороны Нижних домов время от времени доносились голоса младших учеников, общее впечатление умиротворения и спокойствия не разрушалось.

– Итак, господа! – голос профессора ворвался в его мысли.

Оглядевшись, Александр запоздало сообразил, что они, похоже, добрались куда шли и теперь стоят на берегу пруда. Все смотрели на наставника: кто настороженно, кто с нетерпением и интересом.

– Приступим! – взмахнув рукой, Леви прогнал легкую рябь по воде, озорно улыбнулся и принялся расхаживать по берегу. – Видите ли, мне представляется, что все вы уже далеко не дети. Будь сейчас война, каждый из вас пошел бы солдатом, – в его глазах промелькнул опасный азарт. – Каждый, – он выделил это слово, – совершал бы подвиги, ходил бы в атаку и, может быть, уже покрыл бы себя славой. Вы готовы к этому, господа. – Налетевший ветер растрепал его седые волосы и придал ему вид донельзя романтический. – Поэтому я не считаю, что вам нужна какая-то там теория боевой магии. Теория! – презрения профессор не скрывал. – Да вы же знаете ее! Знаете давно и прочно, еще в первые три года прочли все возможные учебники. Разве не так? – Он требовательно всмотрелся в слушателей.

Повисло короткое молчание, несколько человек переглянулись, а потом Тулупов с неожиданной порывистостью подался вперед и откликнулся:

– Так, профессор!

Остальные немного неуверенно, но все-таки согласно загудели. Александр молчал, заложив руки за спину. Ему не слишком нравилось, куда все идет. По его мнению, теории вообще много не бывает и вспомнить основы всегда имеет смысл. Профессор Леви явно смотрел на это иначе: вновь взмахнув рукой, он закрутил в центре пруда довольно большой водоворот и, не успокаивая его, снова взглянул на учеников.

– Мне нравится ваш ответ, господа. Потому что он позволит нам не тратить время впустую, – его глаза разгорелись ярче. – В бою нет места теории, у вас не будет времени ее вспоминать. Все, что должно быть здесь, – профессор приложил руку к груди, – четкое понима-

² Вольга Святославич, св. Вольга, – древний богатырь, князь, чародей. Считается мастером трансформации (благодаря своему умению превращать людей в муравьев) и магии природы (по легенде, понимал животных, мог обращаться ими и становиться проявлениями стихий, например ветра). Святой покровитель всех нас, чародеев российских.

ние, какая стихия вас зовет и какой из смертоносных обликов она готова для вас принять. Все, чему место здесь, – он коснулся пальцами виска, – понимание уязвимых мест противника, умение верно и быстро нанести удар. И поскольку познакомиться мы с вами успели, сейчас этим и займемся. Ищите, господа! – Слегка взмахнув второй рукой, профессор устроил еще один водоворот в другом конце пруда. – Ищите связь со своей стихией. Вы чародеи, ваше оружие – вокруг вас. – Он небрежно раскинул руки. Оба водоворота сперва замедлились, а потом и вовсе остановились, будто их и не было.

К такому погружению в боевую магию мало кто был готов. Некоторые сделали пару неуверенных шагов к воде, надеясь, должно быть, что она откликнется. Другие склонились к траве, вероятно, пытаясь почуять, не отзовется ли им земля. Несколько человек вели носом по ветру, как борзые, ищущие запах добычи: пытались установить связь с воздухом.

Александр не нашел Митю рядом, а потом увидел, что друг с упоенно-счастливым лицом устроился на краю пруда и уже поднял несколько небольших фонтанов. Струи воды танцевали, переплетаясь между собой. Ему-то не составило труда найти собственную стихию. Сам Александр пока чувствовал внутри только прискорбную пустоту, хотя пару лет назад и начал понемногу ощущать связь с землей. И похоже, такие трудности были знакомы не ему одному.

– Люсьен... Иванович! – Отчество плохо подходило эксцентричному французу, но Озерцев, который сейчас неуверенно тянул руку, по-другому не умел. – Люсьен Иванович! – тверже повторил он. – Но что делать, если я никогда не думал о стихиях в бою? Да и о бое самом, если честно, не думал... Не представлял никогда, что может мне отозваться, если до этого дойдет. Как быть?

Усмехнувшись, профессор Леви бросил на него лукавый взгляд. А потом его быстрая гибкая рука взлетела вверх, описала дугу, будто стягивая к себе весь гулявший по парку ветер, и метнула в Озерцева длинное копьё, сплетенное из воздушных потоков.

Кто-то вскрикнул, кто-то ахнул. Александр хотел было броситься на помощь, а Полев опередил его – бросился, но все еще слишком медленно, ни один из них не успел бы. Копье, прозрачное, но различимое, летело напрямик Озерцеву в лицо.

– Ох ты, господи! – громко выдохнул он, попятился, неловко шлепнулся на холодную землю и вскинул обе руки перед собой.

И мгновенно к ним рванулась, будто живая, вода из пруда, соткала между ними щит из сотен тысяч мельчайших капель и струй, заставила копьё увязнуть.

– Ох ты, господи... – растерянно повторил Озерцев, по-прежнему сидя на земле и глядя на щит у себя в руках.

– Вот видите, мсье Озерцев. – Слегка улыбаясь, профессор Леви развеял остатки копьё. – Сама стихия ответила вам на вопрос: неважно, для чего вы призывали ее прежде и мыслили ли хоть раз себя солдатом. Каждый чародей – часть мира и связан с ним через свою стихию. Умейте слушать и слышать, этого достаточно, чтобы она вас нашла и встала на вашу защиту или превратилась в ваше оружие, когда необходимо. А теперь за дело, господа, урок только начался! – Профессор шагнул в сторону от пруда, в тень деревьев. – Слушайте свою стихию, выбирайте противника и атакуйте. Или, если не успеете, обороняйтесь. Чем быстрее вы сделаете первый шаг сейчас, тем увереннее будете в дальнейшем. Allez! – Он явно был уверен, что объяснений вполне достаточно на сегодня.

Ученики по-прежнему озадаченно переглядывались, будто ища друг у друга ответов. Кто-то робел, кто-то, кажется, сомневался, нет ли подвоха и не проверяет ли их профессор. Вдруг сперва вызовет на бой, по сути, на настоящий чародейский поединок, а потом особо раздухарившихся уличит в том, что слишком разошлись, забыли о правилах Корпуса и законах обращения с магией? Ничего нет важнее правил и законов, верно же? Ведь верно? Им твердили об этом все первые три года учебы, не могло же все вмиг измениться? Не могло?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.